

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

ИЗ ДНЕВНИКА

26 апреля 1969 года, суббота. Вчера вернулся из Ростова и Вёшек. Поехали вчетвером – Ганичев, директор издательства “Народна Младеш” Иван Попов, В. Фирсов и я. Мы лишь мечтали попасть к Шолохову и в первый день поехали к Закрутину, в Кочатовскую станицу. На берегу Дона стоит этот дом, хорошо стоит. Сад большой, виноградник, пчельник. Долго обедали с кислым вином, но было и хорошее, ладанное. Прочёл В<италий> А<лександрович> нам главы из новой повести “Матерь”, договорились, что отдаст в “Молодую гвардию”. Притащили мы ему с берега Дона громадный и тяжёлый якорь с пятиметровой толстой цепью, старик был тронут до слёз. Но мы, если б были трезвые, никогда бы этого не сделали, просто сил бы не хватило. Дал на дороге канистру вина, тепло попрощались мы с ним, и он пригласил нас ещё к нему приехать.

На следующий день поехали мы в Вёшенскую. Накануне познакомились с сыном Шолохова, тоже Михаилом, и его женой Лялей – очень милая пара. Миша – ихтиолог по образованию, пишет диссертацию философскую на тему “Человек и природа”. Миша поехал с нами. Печальный вид имеют этой весной донские степи! Всё вроде в природе так идёт, как шло, – солнце горячее палит, воздух лёгок, дали ясны, жаворонков тьма, они, как цикады, поют в небе, в степной дали и где-то возле уха, невиданные, яростные в своей песенной страсти. Однако душа болит: на всех возвышенностях земля посветлевшая, покоричневевшая – выдута и вымыта почва; <...> (слово неразборчиво. – Е. Ч.) русла старых пологих балок, поймы речонков распаханы, даже самый слабый ветерочек несёт клубы пыли, и они не оседают, будто рассеянный дым, коричневы, несутся высоко, метров на двести-триста над землёй вздымают. Но самое страшное и печальное – горы чёрной земли, надутой у дорог, засыпанные ею низины, занесённые по макушку лесополосы придорожные – земля в беде* образца 1969 года. Миллиардные убытки, пересев сплошной, а яровые в этих местах неуродистые, однако самое главное – нет гарантий от непоправимой этой беды на будущее. В этом году было очень мало снега, дули ветра, а почва перепылена, и нет почти лесополос. На перевозе через Дон встретился лесник. Говорит, там, где были полосы, пересевают 20 процентов площадей, где не было – 80 процентов...

Главное в здешнем пейзаже, на мой взгляд, – небо. Земля сжимается под ним – огромным, ясным; редкие облака ослепительной белизны придают ему объёмность, глубину. Просторная земля во все концы расширяет душу, и земля тут велика!

* “Земля в беде” – очерк В. Чивилихина, опубликован в 1968 году.

Шолохов болел перед нашим приездом, нога у него <...> (слово неразборчиво. — Е. Ч.), и мы вначале думали, что он лежит, рассчитывали на часок-другой и назад. Не вышло. Дом его под зелёной крышей завиднелся с донской маёры. Крутой берег поднимал его высоко в чистое небо. Рядом, слева — купол церкви и ещё какие-то постройки, позднее выяснилось, что там центральная площадь Вёшек с кинотеатром, РК и магазин. Дом двухэтажный, каменный, с чистыми подъездами и подходами, в окружении большого сада. Есть “баз” — староказачий островок с животиной: корова и козы...

Шолохов встретил нас в вестибюле дома и с ходу:

— А я вас уже третий день жду. Думал, в субботу будете.

— Мы ненадолго, часок посидим и поедем...

— Ладно, ладно, это мы посмотрим! Давайте руки мыть и за стол... Как, Володя, живёшь? — вдруг обратился он ко мне.

— Спасибо, что вы меня помните.

— Ну уж! Как твоя язва?

— Откуда вы знаете про мою язву? — удивился я.

— Я даже знаю, что она к тебе притерпелась... Давайте-ка, давайте обе-
дать!

За большим столом могло бы уместиться человек 25, а к нам подсел только Иван Семёнович Погорелов. Шолохов его представил:

— Это Ваня, друг юности, чекист. Приставлен, чтоб за мной следить...

Мы посмеялись, и только потом я оценил по достоинству этот наш смех...

Мне понравилась в Шолохове простота необычайная в обхождении, естественное и простое исполнение обязанностей хозяина хлебосольного, уверенное дирижирование разговором. Стол был по-русски щедро завален едой, и всё так вкусно, я давно не едал ни такого поросёнка, ни огурчиков, ни рыбца, ни холодца. Пили “Карвуазье” и “Мартель”, и после первой чарки Михаил Александрович рассказал нам к месту и чисто по-шолоховски первую новеллу.

— Вы, значит, были у Закруткина? Он вас своим кислым вином поил? А я, знаете, с 52-го года не пробовал этого вина. И не очень хочется, сыт. Дело вышло такое. Он говорит мне: “Сейчас угощу”. Пошли мы по пчельнику, и он вдруг как пнёт сапогом улей, тот и отвалился. “Что-то будет”, — подумал я, но улей оказался пустым, для маскировки, от воров. Взяли мы лопаты и давай осторожно копать, чтоб не дай бог не разбить бутылки. Долго копали, достаём. И какое же отвратительное вино было, я уже 17 лет плююсь... Ну, правда, потом сходили к каким-то монашкам и купили ладанного вина, это было вино!..

Потом разговор касался очень многих тем — больших, острых... Вспоминаю:

— Ты, Володя, считаешь, что ты пишешь остро?

— Не нравится мне это слово. Серьёзно — другое дело.

— Вот-вот. А “остро” — это значит перчить наши трудные дела...

Читал нам длинное письмо молодого писателя Успенского о книге Штеменко, комментировал сам, ждал и прислушивался к нашим комментариям. Успенский вовсе крвал Сталина, обвинял его и во всех репрессиях и в поражениях. Шолохов критиковал книгу тоже, но с одной позиции — за неглубокость, за расчёт на обывателя и всё время поражался, каким образом такой штабист, как он (Штеменко. — Е. Ч.), мог стать начальником генштаба. Чувствовалось, что Шолохов весь горит желанием разобраться в трагической, крупной и противоречивой личности Сталина. И как бы без видимой связи:

— Конечно, если б я Григория Мелехова в конце романа спутал колючей проволокой и расстрелял в степи, бросив на съедение волкам, — руками советской власти, — они б давно мне дали Нобелевскую премию.

Потом:

— С мясом плохо в стране, товарищи. Рассказывают, что народ по тарелкам ложками стучит в столовых рабочих кое-где. Это ещё ничего! А вот если не по тарелкам да не ложками начнут стучать, тогда они, — он кивнул в потолок, — почувствуют.

— Да вы пейте, пейте, это же французский коньяк, лучший. Вы, Володи (ко мне и Фирсову), это ведь, говорят, умеете делать.

— Донесли, — сказал я, что-то действительно слишком закладывающий в последнее время. — Но вот когда мы бросим с Володькой пить совсем — никто не донесёт...

– Лечите, лечите свои язвы... У меня был такой друг когда-то, полковник Качалов, он лихорадкой болел и вечно держал в кармашке порошок. Достанет порошок, развернёт бумажку, выпьет стакан водки, а порошок опять в кармашек.

– Да, непросто было, и тогда думалось. Помню, приехал я в какую-то танковую дивизию. Командир дивизии спит на сене у избы, а кругом развороченная земля, немецкая “рама” висит в небе, дымок над полем боя.

– А где же ваша танковая дивизия? – спрашиваю.

– А вон – последний догорает...

И тут же:

– Ваня, Ваня! Помнишь, как ты в мыле выскочил? Мы ведь с Ваней жили в одном номере “Националя”, когда я наезжал в Москву с фронта. В юности он был храбрый, орден Боевого Красного Знамени получил в 17 лет за борьбу с бандитами-казаками, ногу они тогда ему отгрызли, – ласкал он помощника взглядом. – И вот полез он мыться в ванну, только помылился, а я как крикну: “Воздушная тревога!” Он и выскочил весь в мыле.

Иван Семёнович смущённо замигал.

– Да вы ему верьте больше!

– А разве не было этого, Ваня? – язвительно спросил Шолохов.

– Было, выскочил, но зачем? Я ведь был обязан доставлять его при воздушных налётах в метро, а он принципиально не спускался туда. Силой тащить приходилось. А тут я же не мог в ванне сидеть, если бомбят.

– Да бомбёжки-то не было, Ваня! Вспомни, как я смеялся над тобой, мыльным.

– Нет, нет, никуда я вас не отпущу. Я тут власть. Как-то, знаете, Маша приехала, одна из моих братьев и сестёр двоюродных. Первого, Анатолия, в 21 году бандиты Курочкина шашками изрубили на куски, другой, Женька, подорвался в бронепоезде под Ленинградом. Одна Маша осталась, Мария Петровна. Приезжает ко мне и быстро собирается: “Не буду мешать, пиши!” – “Не пушу!” – “Поеду!” – “Не выйдет!” – “Нет, поеду!” – “Ладно, езжай!” Поехала она, а я звоню в милицию: “Взять такую-то машину на перевозе!” Она там туда-сюда, а ей говорят: “Ничего не знаем, приказано вернуть”... Так что и вы никуда не уедете, друзья мои, пока я вас не отпущу.

– Волонтаризм, Михаил Александрович, – сказал я.

– Вот вы посмотрите окрестности, родник наш, лесок... Чивилихина, должно быть, в лесок тянет... А вечером приходите, посидим, поужинаем...

Подъехало два “газика”, и мы с Ив<аном> Семёновичем Погореловым сели в один. Вёшки со стороны степи отбиты от ветров, пыли и песка приличным сосновым лесом. Часть посадок ещё тут дореволюционные, кажется. Надёжная защита. Сейчас ведь это райцентр, 10 тысяч жителей, хорошие дома, полно машин. За лесом всем спокойно.

Километрах в трёх от станицы из склона горы бьёт родник, и не родник, а родничце. Железная труба в 70 см диаметром на треть заполнена могучей струей. От этой вечной струи образовалась речка, она разливается в озера, целую цепь. Вокруг Отрога – так называют родник – ольха высоченная, тополя, дуб стоит поодаль могучий, раскидистый, хватает небо крепкими, ещё без листьев лапами...

Познакомился с Георгием Ивановичем Акольдиным, смотрителем родника, стариком. Он рассказал, что в станицу водопровод протянут, с водой люди. Ю. Гагарин на этом же “газике” приезжал, пил из этого же родника. Вода, петляя по придонским низинам 8 км, вливается в Дон. Разводья в некоторых местах по полкилометра, все в зарослях, полно рыбы. С Мишей помечтали о том, чтоб сесть как-нибудь в лодку и пробиться насквозь, через камыши и древесные завалы к Дону. Акольдин говорит, что, когда не было водопровода, Шолохову возили эту воду на белом жеребце гужевом...

Поехали дальше по песчаной дороге, с юзом и буксованьем, влезли на возвышенность, где в войну стоял наш КП и был большой блиндаж. Красное, пригашенное по краям тучами солнце ушло за горизонт. Пока не затемнело, мы с Погореловым ходили отдельно ото всех, и тот доверительно рассказал мне поразительную историю, которая случилась с ним и Шолоховым в 1938 году.

Иван Семёнович работал тогда в Ростовском НКВД рядовым чекистом. Начальник облуправления НКВД Гречуха и его зам Коган дали ему задание убить Шолохова, взяв расписку о неразглашении тайны. И. С. понял, что ему всё равно смерть, и предупредил Шолохова. Тот на машину и вместе с Погореловым в сторону Сталинграда. Шолохов высадил Погорелова у стога сена, дал кошёлку с едой и сказал: “Жди!” Почти 10 дней Погорелов сидел в стогу, потом за ним приехали двое чекистов и в Москву. Шолохов и Погорелов были приглашены на Политбюро ЦК ВКП(б). Состоялся драматичный разговор – ведь Коган объяснил Погорелову, давая задание, что Шолохов готовит контрреволюционное казачье восстание и ликвидация Шолохова – приказ Сталина и Ежова. На Политбюро были Сталин, Молотов, Каганович, Андреев, Ежов, Гречуха, Коган. У Погорелова не было доказательств, что ему дали такое задание, кроме адреса квартиры в Ростове, написанного рукой Когана, на которой д<олжна> б<ыла> состояться разработка плана по убийству Шолохова. Однако Сталин, видно, всё успел проверить и встал на сторону Погорелова... Гречиха и Коган были расстреляны, а Шолохову обеспечены охрана и безопасность.

Если это всё так, то лишь счастливейшая случайность спасла нам великого писателя. Не дай они задания И. С. Погорелову – убийца был бы тоже уничтожен, и объявление бы гласило, что враги народа, белоказачки расправились с Шолоховым.

– Мих<аил> Александрович, – сказал я. – Мне в этом никогда не разобраться – в том, что было в те годы.

– И мне тоже, – быстро откликнулся он. – Это тайны мадридского двора...

Помню разнобойные его мысли о сегодняшнем дне нашей литературной сумятицы.

– Как это так? Солженицын – явный антисоветчик. Конечно, за эту деятельность не следует его наказывать, но отчислить-то из Союза писателей можно?!

– Мне тут предложили прочесть “Раковый корпус”, – сказал я. – А мне не хочется, жаль времени.

– А ничего в нём нет полезного!.. Сказал я в своё время одному: почему бы Вам не пригласить Твардовского, Леонова, Шолохова, Солженицына, Чивилихина и так далее, не посидеть с ними, не узнать, что их волнует?

– Знаете, М. А., всё некогда как-то.

Иван Попов сказал, что Живков встречается каждую неделю с деятелями культуры – за обедом, ужином, в кабинете.

– Этого не может быть! – воскликнул Шолохов.

– Это правда. Я всего полгода директор издательства, а уже трижды был на таких встречах.

– Вот что, Ваня, – сказал Шолохов, – когда приедешь на родину, то узнай там, нельзя ли мне принять ваше подданство...

Мы засмеялись, а Шолохов продолжал:

– Спрашиваю Г. И. В.: “Вы что-нибудь читаете?” Он: “Хотите честно? Ничего не читаю. Некогда”.

А я тут взял да рассказал без ссылки на Леонова его притчу – они нас не читают потому, что берегут глаза – крючочек-то маленький, а червячочек-то скользкий. Шолохов засмеялся. Потом он долго читал письмо писателя Успенского: о Сталине, репрессиях среди военных, о разных толкованиях разных операций, это была непечатная рецензия на книгу Штеменко. Шолохов внимательно прислушивался к нашим репликам, потом пожаловался на то, что ему не дают написать правду о войне – не то время, мол.

– Тогда, может, лучше о рыбалке писать? Возьмусь...

– На всех рыб не хватит, – сказал я. <...>

Потом пошёл разнобойный разговор: о белом верблюжонке, что подарил М. А. казахские писатели, – М. А. ездит в те места якобы охотиться, а на самом деле – писать, тут стало трудно; о пони, которого ему подарили в ГДР и который теперь в Московском зоопарке; о детях. “У меня их всё же четверо: одна дочь в Петропавловске-на-Камчатке замужем за пограничником-офицером, сын живёт в Крыму, женат на дочери Югова. Миша – в Ростове, Маша – в Москве. От моря до моря моё семья. А вы? Сколько у тебя детей, Володя?” – обратился он ко мне. “А у нас у всех по одному”, – сказал я.

Начался разговор, что русские плохо прибавляют в числе в отличие от закавказцев, среднеазиатов и малых народов России, и это грозит бедами в будущем. Пообещал ему бумагу с подробным материалом на этот счёт; говорили о том, что выдуло землю, заканчивается пересев, секретаря РК по два-три раза в неделю вызывают в область: “Давай мясо”. А секретарь РК не может отвечать за опорос, он отвечает за людей, в том числе за тех, что должны отвечать за опорос. Раньше никто с сева не мог сорваться.

Попрощались хорошо до завтра... Булавин только ночью узнал, что это я писал “Землю в беде”, они ведь её всю перепечатали в “Красном Доне”, районной вёшенской газете.

Утром мы попрощаться зашли, сфотографировались на память.

Шолохов был всё время бодр, весел, в хорошем рабочем настроении, и это очень порадовало.

Вспоминаю отдельные темы.

– Чкалов – это был богатырь! В ЦДРИ, помню, Ставский был, я и Чкалов, ещё кто-то. Валерий заказал 12 бутылок коньяка, выпили и поехали летать. У меня был очень бледный вид, рассказывать не хочется.

– Пытайтесь, пытайтесь защищать природу, Володя. Только я не знаю, выйдет ли чего, попытаться надо.

Написал мне на донском сувенире: “Владимиру Чивилихину, ревнителю сохранения родной природы – с природной любовью”.

Утром 25-го меня приняли в казаки. Этот водочный ритуал я выдержал. Теперь буду в другой раз гулять по Дону и гутарить. Хорошо, что Шолохов да Леонов ещё есть у нас.

Публикация Е. В. Чивилихиной